

**ТРАНСФОРМАЦИЯ СЕМЕЙНОЙ КУЛЬТУРЫ МОЛОДЕЖИ В ДАГЕСТАНЕ:
СПЕЦИФИКА ТЕОРЕТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА
И ИНДИКАТОРЫ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИЗМЕРЕНИЯ**

Ахмедова

Тевриз

Магомедгаджиевна

аспирант, Дагестанский государственный технический университет
(368608, Россия, Республика Дагестан, г. Дербент, ул. Тахо-Годи, 2).

E-mail: akh-tevriz@rambler.ru

Аннотация

Дагестан является этнокультурным регионом с достаточно устойчивой системой традиций, воспроизводство которых происходит через семейные каналы социализации, но при этом он включен в глобализационные процессы, а потому представляется важным рассмотреть проблему формирования семейной культуры дагестанской молодежи в контексте влияния глобализации с точки зрения имеющих точек зрения и позиций исследователей. Поэтому предметом социологического осмысления выступает семейная культура молодежи, без которой сложно представить развитие крепкой, счастливой и благополучной семьи в обществе, но зато легко объяснить наличие негативных явлений в функционировании молодой семьи в современном российском обществе, о чем свидетельствуют такие деструктивные процессы, как рост разводов в молодых семьях, рост семейного насилия, неполных семей, снижение социального и физического самочувствия детей и родителей, упадок нравственных ценностей.

Ключевые слова: дагестанская молодежь, Дагестан, семейная культура, семейные ценности, трансформация семейной культуры, социальное самочувствие, родители, дети, родительско-детские отношения.

Совершенно очевидно, что устойчивое и эффективное развитие общества во многом определяется наличием благополучно развивающегося института семьи, основой которого выступает семейная культура как совокупность когнитивных, ценностных и поведенческих установок, детерминирующих восприятие семьи в обществе и характер семейных практик. В связи вышесказанным в русле социологического исследования важным является изучение семейной культуры молодежи, без которой трудно представить счастливую и благополучную семью в современном обществе, при этом особого труда не составляет существование отрицательных явлений в функционировании молодой семьи, что констатируют такие деструктивные тенденции как увеличение количества распада молодых семей, фиксируемое семейное насилие не только в отношении супруга, но и детей, упадок моральных ценностей.

По понятным причинам, связанным с кризисом семейной культуры в обществе и в молодежной среде, в том числе, молодая семья становится тем полем, в котором наиболее ярко находят отражение все кризисные факторы функционирования общества и его семейной сферы. Именно в семье человек получает все базовые представления о мире, о том, что такое семья, какой она должна быть, в чем ее сущность и ценность. Затем эти представления переносятся во взрослую жизнь и становятся ориентирами в выстраивании собственной семейной и жизненной траектории, а потому семейная культура, в которой социализируется молодежь, приобретая навыки семейной жизни и семейные ценности, рассматривается автором как фактор духовной безопасности общества, ибо пространство семьи есть пространство, в котором молодому поколению транслируются важнейшие духовные ценности.

Духовная безопасность общества выступает важнейшим основанием социальной безопасности как способа функционирования социальной системы, обеспечивающего сохранение ее целостности, устойчивости и жизнеспособности в процессе взаимодействия ее структурных составляющих подсистем (экономическая, политическая, демографическая, информационная, культурная и т.д.) и элементов (социальные группы, организации, институты, отдельные индивиды) между собой и с окружающей средой на протяжении существования и развития общества) [1]. Детерминантами духовной безопасности общества, в свою очередь, выступают механизмы трансляции и устойчивого воспроизводства базовых духовных ценностей, определяющих способность общества к социокультурной динамике на основе его культурного потенциала.

Семейная культура – значимая часть культуры общества, развивающаяся в ее рамках и на ее основе. Соответственно, в каждом обществе формируется своя, особенная и отличная от других обществ семейная культура. Более того, в условиях полиэтничного общества, такого как российское, семейная культура дифференцируется по региональным и этнокультурным показателям. Очевидно, что семейная культура народов Северного Кавказа в значительной степени будет отличаться от той же культуры у жителей центральной России или ее северной части. Соответственно, и кризисные факторы в рамках семейной культуры каждого из регионов страны и ее народов будут иметь свою специфику, но объединять их будет то, что все они неминусом связаны с кризисом семьи и культуры как образующих данное явление.

Так, кризис семейной культуры на Юге России связан с кризисом традиционной семьи и ее ценностей, а этот кризис, в свою очередь, проявляется в росте разводов, распространении нетрадиционных форм семейно-брачных отношений, изменении гендерных устоев и ролевых соотношений в семье и т.д. Так, Б.М. Алимова, анализируя изменения, происходящие в пространстве дагестанской семьи, пишет о том, что к факторам, вызывающим тревогу в среде дагестанской общественности, относятся показатели снижения устойчивости семейно-брачных отношений, рост конфликтного потенциала семей, рост разводов в семьях, при всем том, что дагестанская семья, в целом, сохраняет консервативный облик [2, с. 48]. Конечно же, указанные явления не могут не рассматриваться как проявления кризиса традиционной семьи, на что и указывают исследователи [3, с. 161].

Безусловно, следует понимать, что в условиях глобализации и распространения под ее влиянием новых семейных ценностей, связанных с либерализацией семейных и гендерных отношений, тенденциями эгалитаризации и демократизации семейной сферы, традиционная семья не может пребывать в своем неизменном виде и не подвергаться переосмыслению на предмет составляющих ее нормативных и поведенческих оснований. И наиболее восприимчива к новациям, к их апробации в семейной жизни оказывается, естественно, молодежь, социализация которой происходит на пересечении глобальных и локальных (традиционных) ценностей и норм.

Эпоха семейной революции, которую зачастую связывают с революцией сексуальной, порождает множество вопросов. Так, Т.Ю. Брыкова, характеризуя институт супружества в современном обществе как чрезмерно свободный от обязательств партнеров друг перед другом, задается вопросом о том, насколько возможно и возможно ли вообще счастливое супружество в эпоху сексуальной революции с учетом того, что в концептуальных рамках этой революции акцент делается на стремлении к максимальному удовлетворению отношений, прежде всего, связанных с потребностями в самореализации, положительных эмоциях, сексуальных отношениях [4, с. 140]. Мы бы не были так критичны к современным тенденциям в развитии семейных отношений, ориентированных на удовлетворение супружеских потребностей в плане эмоциональных и иных личностных аспектов, поскольку и при такого типа отношениях наличие взаимных обязательств у супругов предполагается, поскольку без них не могут выстраиваться никакие семейные и супружеские отношения.

Другое дело, что современная семейная культура, включающая в себе новые аспекты, отличные от традиционных, должна содержать в себе четкие представления и ориентиры о ценности этих отношений, их содержании, взаимных правах и обязанностях, способах их развития в благополучном ключе на бесконфликтной основе. Ее формирование в молодежной среде стихийным образом вне структурированной и санкционированной специальными акторами стратегии опасно неспособностью включиться в позитивное пространство новой семейной культуры, обладающей как своими плюсами, так и минусами. В итоге, эгалитарные отношения вырождаются в эгоистические [5, с. 125], а свобода отношений как отношений равных трансформируется в безответственность и нарушение этики супружеских отношений.

Основная проблема заключается также в том, что имплементация ценностей и норм новой и еще чуждой культуры, сформировавшейся в лоне иной социокультурной среды, чревата не только разрушением своих традиционных оснований семейной культуры, но и искажением той, которой пытаются неумело следовать. Иными словами, если эгалитарные ценности, составляющие основу семейной культуры европейского общества, вызревали в этом обществе на протяжении длительного времени по мере развития демократических отношений в социуме и индивидуалистической культуры и, соответственно, пластично вписались в нормы и принципы организации семейных отношений, то в условиях российской действительности они с трудом пробивают себе дорогу, так как социокультурная матрица российского социума далека от ценностей и норм демократического и индивидуалистического западного общества [6].

В результате в пространстве семейной культуры и базовой культуры общества возникает пространство противоречий и несоответствий, выступающие факторами риска семейной жизни для многих молодых семей стремящихся уйти от воспринимаемыми ими как неадекватными современности традиционных семейных норм, но не способных создать эффективные семейные отношения на основе принципов современной эгалитарной семейной культуры, требующей от ее сторонников глубокого понимания специфики этой культуры и умения соблюдать ее этику.

Как сочетать индивидуализм и ответственность в семье, свободу и обязательства, равноправие и сохранение границ мужского и женского, полное стирание которых в принципе невозможно? Мы сегодня наблюдаем, как попытки реализовать это приводят к деформации всей системы социальных отношений и искажению самой природы семьи и супружеских отношений. Допустить такой сценарий развития семейных отношений в российском обществе, конечно же, нельзя, поскольку, как справедливо заключил П. Сорокин, семья самым мощным образом влияет на ход социальных процессов и динамику общественных отношений [7, с. 464], определяя, соответственно, уровень духовной безопасности социума.

Таким образом, можно сказать, что через семейную культуру передаются ключевые культурные стандарты молодому поколению, которое впоследствии определяет образ и стиль семейной жизни, характер распределения ролей в семье и взаимоотношений между ее членами, специфику детско-родительских отношений, отношение к детности как таковой и к семье в целом. В этой связи принципиально важно не наблюдать со стороны процессы формирования семейной культуры молодежи и ее кризисные проявления, а взять под общественный контроль данный процесс, который должен регулироваться такими ключевыми акторами (институтами социализации), как государство, образование, семья, СМИ, а также религия, в особенности в тех регионах, которые традиционно отличаются высоким уровнем приверженности религиозным ценностям [8].

Религиозный фактор, как известной, играет в современном Дагестане важнейшую роль, а потому конфессиональный фактор в формировании семейной культуры молодежи, бесспорно, немаловажен. Дагестанские ученые выделяют особую роль ислама в многовековом социальном опыте в рамках системы мусульманских ценностей и указывают на его огромный воспитательный потенциал, который наиболее явно реализуется в семье [9, с. 162]. Основы этнопедагогических ценностей мусульманских народов Дагестана основывается на раннем нравственном воспитании, привитии уважения к матери и старшим с раннего детства; формировании исторической памяти путем ознакомления с историей рода и семьи; ценности труда и трудолюбия, гостеприимства и деликатность в межнациональных отношениях; традициях побратимства и куначества, ориентированных на укрепление положительных, мирных и гуманных межнациональных отношений.

Семейная жизнь народов Дагестана полностью регламентируется мусульманской религией, и те семьи, которые исповедуют ислам, следуют нормам исламских ценностей. Соответственно, модели поведения мусульманской и немусульманской молодежи в семье будут иметь отличия, которые характеризуют и молодые семьи этой республики. Религиозный фактор также определяет и вектор гендерных различий в восприятии семьи, семейных ценностей и установок среди молодежи. На этом основании можно выделить в качестве индикаторов семейной культуры и ее трансформации религиозный и гендерный факторы, и, конечно же, в число важных показателей входит этнический фактор, так как Дагестан населяют многочисленные народы различной этнической и конфессиональной принадлежностью [10-11]. Автор исходит из того, что духовное благополучие общества не может рассматриваться вне семейного благополучия, а, следовательно, в молодежной среде необходимо выращивать, взращивать и культивировать ценности и нормы семейной жизни с высокой культурой семейных отношений. Однако на одних только идейных и нормативных установках воспитывать семейную культуру у молодежи будет сложно, из чего следует, что должны предприниматься и реальные шаги в области повышения устойчивости института семьи в обществе, поддержки молодых семей, и высокая роль в этом направлении отводится государству, призванному выступать основным актором разработки и реализации семейной политики, направленной на создание благоприятных условий жизненной самореализации семей, в том числе молодых; совершенствование правового пространства функционирования семейных отношений; развитие системы мониторинга состояния семейной сферы общества и регуляции возникающих в ней рисков в рамках создания широкой сети организаций, оказывающих помощь семьям, нуждающимся в ней, с целью снижения конфликтного потенциала в семейной сфере и профилактики распада семей, образования семей неполного типа.

Иными словами, государство не может и не должно оставаться в стороне от семейных проблем, в своей совокупности трансформирующихся в проблемы масштабного и угрожающего безопасности общества характера.

Трансформация семейной культуры в каждом обществе, в каждом этнокультурном регионе имеет свои отличительные особенности [12], свои проявления и социальные последствия, и во многом это связано не столько с настоящим, сколько с прошлым народа, его семейных институтов, с условиями и факторами его формирования и развития во времени, религиозными основаниями, ибо каждая семейная культура в традиционных обществах основывалась на религиозных нормах и ценностях и была вписана в структуру религиозной культуры и этики.

Трансформационный подход весьма популярный в отечественной научной литературе, а высокий интерес к нему возник еще в 1990-е гг., когда все российское общество вступило в эпоху глобальной трансформации, перевернувшей всю жизнь российского народа, все его представления, идеалы, ценности и установки, когда в единый миг распалась вся идеологическая картина советского мира, остановилось производство, канул в небытие интернационализм, вся страна «пылала» в межэтнических конфликтах и междоусобицах [13-14].

Распад системы ценностей советского общества ознаменовал ценностный коллапс на уровне всего социума. Началась стремительная переоценка всего прошлого опыта, стали апробироваться новые социальные практики, модели и образцы поведения, в том числе в сфере семейных отношений. В результате российское общество стремительно стало менять свой облик, а выразилось это в кризисе духовно-нравственного поведения, девальвации многих, прежде важных для общества ценностей,

поскольку на смену солидарности пришло выживание, индивидуальный успех как цель и норма жизни. Устойчивость, стабильность, определенность исчезли из социальной реальности постсоветского общества, что резко вылилось в демографический кризис на фоне страшного экономического кризиса, и только в регионах с сильными этнокультурными традициями протекали в значительно меньшей степени, хотя были свои, специфические негативные проявления социальной трансформации общества, связанные с высоким уровнем преступности, коррупции, бандитизма, клановости. Тем не менее, семейная сфера общества стала той «крепостью», которая позволила удержаться «на плаву» многим родам, семьям, отдельным индивидам, но и в ее пространстве поступательно происходили изменения, во многом противоположного от общего фона семейных изменений типа [15–16]. В той связи трансформационный подход нам представляется наиболее адекватным для изучения изменений в семейной культуре молодежи Дагестана, поскольку он поможет выявить и объяснить причины и направленность этих изменений.

С социологических позиций трансформация рассматривается как процесс существенного изменения социетальной системы, связанный с качественными изменениями системообразующих элементов, многовекторностью этих изменений, относительно высоким темпом их реализации и определяющим влиянием субъективных факторов [17, с. 41]. При социологическом осмыслении обозначенной проблематики не менее важным является использование и других методологических позиций. И в этом плане нас привлекает положение о том, что трансформация может проявлять себя в двух ипостасях – созидательной или деградационной. И та и другая выражаются в виде принципиальных и коренных изменениях сущностного характера, в большинстве случаев имеющих необратимый характер и приводящих к формированию принципиально новых свойств рассматриваемой системы [18, с. 38]. Причем это не означает, что в историческом прошлом трансформирующейся системы не было аналогов или типичных институциональных типов, моделей, и, более того, социальная система, трансформируясь в неудобном для нее формате, не соответствующем ее природной сущности, институциональной специфике, заведомо выберет тот путь трансформации, который хоть в какой-то степени ей знаком, что в социальной науке получило название социальной инерции или исторической колеи, и российская реальность демонстрирует нам действенность этого механизма [19–23].

Но указанные методологические послы и ориентиры, связанные с неоинституциональной традицией изучения трансформационных процессов, не означают неверность принципа субъектной роли акторов социальных отношений. Субъектный фактор всегда играет роль в общественной динамике, только в различной мере, но в эпоху трансформации эта роль значительно повышается, так как возникает необходимость в апробации новых поведенческих схем, риск-технологий, жизненных планов и стратегий совсем иного плана, которым не было аналога в привычной и стабильной жизни допореформенной эпохи. Поэтому социальная инерция и субъектный фактор выступают важными и составляющими единое методологическое поле компонентами, так как характер трансформационного процесса, его вектор, сила инерции или инновации определяются именно силой субъектности акторов трансформации.

Трансформация семейной культуры предстает как растянутый во времени процесс изменения семейных норм, ролей, ценностей и образцов поведения, регулирующих семейные отношения и детерминирующих динамику институциональных изменений в семейной сфере общества. Соответственно, ключевыми индикаторами социологического измерения семейной культуры и ее трансформации являются когнитивные, ценностные и поведенческие установки в области семьи и семейных отношений.

Таким образом, семейная культура автором рассматривается как совокупность когнитивных, ценностных и поведенческих установок, детерминирующих восприятие семьи в обществе и характер семейных практик, выступает основой устойчивого и эффективного развития общества.

Динамика развития и вектор трансформации семейной культуры молодежи во многом обусловлен этнокультурными характеристиками населения, спецификой самого региона, наличием этноконтактной зоны, устойчивостью традиционных устоев семейной жизни, что немаловажно в условиях интенсивного культурного обмена, который неминуем в информационную эпоху и определяется характером взаимодействия традиционной и массовой культур. Но надо понимать, что порождение новых типов, форм культур, в том числе и семейной культуры, происходит на основе уже имеющейся культурной матрицы с ее традициями и обычаями, ценностными и когнитивными установками, ментальными особенностями и поведенческими образцами [24].

Иными словами, исследование семейной культуры молодежи не может не включать в себя анализ исходных оснований той семейной культуры, на основе которой выстраивается фундамент новой культуры, ставшей следствием синтеза традиционных и модернизационных элементов этой культуры. Такой анализ предполагает, согласно данному нами выше определению семейной культуры, изучение когнитивных представлений молодежи о том, что представляет собой семья, и какой она должна быть, ценностных оснований как отражения места семьи в иерархии ценностей молодежи и поведенческих установок, в которых отражаются правила и образцы поведения в семейной сфере, принятые молодежью в качестве адекватных сложившейся реальности.

Таким образом, структура семейной культуры молодежи предстает в виде трех ключевых элементов, включающих знаниевый (когнитивный), ценностно-мировоззренческий и поведенческий (деятельностный) компоненты. В совокупности этих элементов в сознании молодежи формируется не только представление о семье и семейных отношениях как некие идеалы и идеальные образцы, но и установки на определенные действия, поступки и поведение в семейной жизни, ориентации в выборе брачного партнера, видение семейных ролей и их распределение.

Одним словом, семейная культура каждого общества и его социальных групп отражает определенную модель семьи, сформировавшуюся в обществе и определяющую семейные ценности, семейные стратегии и развитие семейно-демографической сферы общества в целом. Если в обществе доминирует одна модель семьи (к примеру, детоцентристская), то в границах ее ценностно-нормативных оснований будет формироваться и семейная культура молодежи, включающая в качестве доминантной позиции установку на детность как причину создания и функционирования семьи [25]. В такой модели семьи, как супружеская семья, получившую широкое распространение в современном мире благодаря либерализации социальной и, в том числе, семейной сферы, центром семьи, условием ее создания и сохранения будут выступать супружеские отношения с соответствующей семейной культурой с ее ролевым распределением, спецификой родительско-детских отношений, особенностями репродуктивного поведения и т.д.

Когда же в обществе не существует общепринятой и разделяемой модели семьи, т.е. доминантной модели, то и семейная культура на уровне унифицированной, выступающей целостным и единым пространством формирования семейных ценностей и установок молодежи, будет отсутствовать. Это происходит, как правило, в обществах переходного типа, когда в трансформационные процессы втянуты все базовые социальные институты, и институт семьи, соответственно, когда разрушается единое ценностно-нормативное и социализационное пространство и в обществе господствуют стихийные процессы, детерминирующие динамику институционального развития и определяющие, зачастую, разрушительный характер функционирования институциональной системы, стремительно утрачивающей свой адаптационный, самоорганизационный и, в целом, антиэнтропийный потенциал [26]. Социум начинает развиваться по траектории парадоксального общества, в котором все социально значимые явления и процессы, ответственные за обеспечение нормального («здорового») воспроизводства общества, подчиняются иным законам развития, не связанным с принципами социальной справедливости, социального государства, социальной полезности.

В таком обществе появляются и получают массовое распространение парадоксальные с точки зрения нормального развития общества и восприятия общества как «здорового» явления – «работающая бедность» [27], «детская бедность», «незащищенное детство», причем под эгидой социального государства, как это происходит в современной России. Неудивительно, что семья в России как площадка формирования семейной культуры и ее воспроизводства в обществе в указанных условиях не может эффективно выполнять эту свою функцию в процессе реализации социализационной миссии, а естественным образом, подчиняясь логике развития негативных явлений в экономической, духовной, политической сферах жизнедеятельности, транслирует целую гамму отрицательных социализационных явлений.

И это следует рассматривать как зеркальное отражение самого общества, в котором данная семья функционирует, воспитывает детей, адаптируется к парадоксальной реальности, выживает, применяя адаптационные ресурсы самого разного свойства, становясь для молодых поколений тем самым образцом поведения в семейной сфере, который, возможно, и расходится с нормативным, заложенным на уровне ментальных оснований, но выступает ориентиром для семейных стратегий в неизменных с точки зрения кризисных факторов социальной реальности [28] условиях.

А какими могут быть семейные стратегии и сама семейная культура в условиях роста социальной неопределенности и отсутствия у российской молодежи видения жизненных перспектив и успешной самореализации в системе сложившихся социальных отношений и социального неравенства, которое ассоциируется у россиян с бедностью и социальной несправедливостью [29–30]? Эти семейные стратегии не основываются на устойчивых и позитивных жизненных проектах, которые выстраивать в обществе риска и социальной неопределенности практически невозможно, и, в результате, как отмечают российские исследователи, снижается социальное самочувствие молодежи [31], отражающееся на ее семейных практиках и семейном благополучии. Это общероссийские данные, которые имеют региональные отличия, но не кардинального свойства, а потому их можно рассматривать как характеризующие молодежное пространство современной России.

Литература

1. Верещагина А.В., Самыгин С.И. Семья и социальная безопасность // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2014. № 2. С. 116 – 120.
2. Алимova Б.М. Современная дагестанская семья: проблемы и перспективы // Вестник Института ИАЭ. 2011. № 1. С. 48 – 52.

3. *Загирова Э.М.* Традиционная семья: теоретические аспекты социологического исследования // Кавказ и мир. Международный научный журнал. Тбилиси, 2015. № 20. С. 158 – 165.
4. *Брыкова Т.Ю.* Возможно ли счастливое супружество в эпоху сексуальной революции? // Социологические исследования. 2011. № 11. С. 140 – 145.
5. *Чернова Ж.В.* Специфика гендерных отношений молодых взрослых // Социологические исследования. 2012. № 7. С. 118 – 127.
6. *Lubsky A.V., Kolesnikova E.Y., Lubsky R.A.* Normative type of personality and mental matrix of social behavior in Russian society // Indian Journal of Science and Technology. Volume 9, Issue 36, September 2016, Article number 102023. DOI: 10.17485/ijst/2016/v9i36/102023.
7. *Сорокин П.А.* Система социологии. М.: Астрель, 2008. С. 464 – 465.
8. *Шахбанова М.М.* Место религии в процессе формирования культуры межнационального общения // Актуальные проблемы гуманитарных наук – 2009. Сборник научных трудов / Отв. ред. Ю.Н. Абдулкадыров. Махачкала, 2009. С. 15 – 24.
9. *Алиева Б.Ш., Омаров О.А., Омарова Т.А.* Религиозно-педагогические аспекты семейного воспитания у мусульман // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2009. № 4 (38). С. 162 – 165.
10. *Шахбанова М.М.* Этноконфессиональные особенности Республики Дагестан // Актуальные проблемы гуманитарных наук – 2009. Сборник научных трудов / Отв. ред. Ю.Н. Абдулкадыров. Махачкала: АЛЕФ, 2009. С. 35 – 47.
11. *Шахбанова М.М.* Миграция и особенности межэтнического общения в Республике Дагестан (конец XX – начало XXI века) // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Серия: Общественные науки. 2009. № 3. С. 32 – 37.
12. *Гафиатулина Н.Х., Верещагина А.В., Самыгин С.И.* К вопросу об институциональном кризисе молодой семьи: проблемы формирования социального здоровья // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2016. № 10. С. 60 – 64.
13. *Шахбанова М.М.* Этническая, религиозная и государственно-гражданская идентичности дагестанских народов в условиях трансформации российского общества. – Махачкала: АЛЕФ, 2016. – 358 с.
14. *Шахбанова М.М., Шахбанов А.М.* Основные направления политики государства в урегулировании межэтнических и межнациональных конфликтов // Современное состояние и пути развития юга России. Всероссийская научно-практическая конференция «Системные исследования современного состояния и пути развития Юга России (природа, общество, человек)». Ростов н/Д, 2007. С. 265 – 267.
15. *Загирова Э.М.* Демографическое поведение дагестанской семьи: состояние и тенденции // Вестник Института истории, археологии и этнографии. 2016. № 4 (48). С. 163 – 170;
16. *Загирова Э.М., Гафиатулина Н.Х.* Система ценностей молодежи и духовная безопасность современного российского общества // Гуманитарное знание и духовная безопасность. Сборник материалов IV Международной научно-практической конференции. – Грозный: Изд-во Чеченского го. пед. ун-та, 2017. С. 241 – 246.
17. *Локосов В.В.* Трансформация российского общества (социологические аспекты). – М.: РИЦ ИСПИ РАН, 2002. 168 с.
18. *Батанов И.А.* Основы теории социально-экономических трансформаций. – СПб.: СПбГУЭФ, 2000. – 132 с.
19. *Ахиезер А.С.* Россия: некоторые проблемы социокультурной динамики // Мир России. Социология. Этнология. 1995. № 1. С. 3 – 57.
20. *Балацкий Е.В., Екимова Н.А.* Эффект инерции в формировании социальных настроений // Мониторинг. 2007. №3 (83). С. 85 – 94.
21. *Гнатюк М.А.* Феномен социальной инерции как предмет социально-философского изучения // Гуманитарий Юга России. 2017. №2. С. 118 – 125.
22. *Кондратчик Ю.К.* Преодоление исторической инерции как основа осуществления трансформации социально-экономической системы России // Вестник РЭА им. Г.В. Плеханова. 2015. №1 (79). С. 53 – 59.
23. *Костенко М.А.* Эффекты институциональной инерции в реформировании российской системы защиты детства // Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика. 2014. №3. С. 165 – 168.
24. *Ментальные программы и модели социального поведения в российском обществе: монография / Отв. ред. А.В. Лубский.* – Ростов/н/Д.: Фонд науки и образования, 2016. – 392 с.
25. *Верещагина А.В., Гафиатулина Н.Х., Загирова Э.М.* Семья и семейные ценности в восприятии студенческой молодежи (на примере Дагестана) // Вестник института истории, археологии и этнографии. 2015. №2 (42). С. 158-164.
26. *Воробьев Г.А.* Энтропийный рост в российском обществе в проекции социальной неопределенности // Гуманитарий Юга России. 2017. № 4. С. 126 – 134.
27. *Горшков М.К.* Общественные неравенства как объект социологического анализа // Социологические исследования. 2014. № 7. С. 20 – 31.

28. Силласте Г.Г. Кризисы в модусах времени и его социальные уроки // Гуманитарий Юга России. 2016. № 1. С. 45 – 59.
29. Гафиатулина Н.Х. Влияние социально-классового, экономического неравенства на социальное здоровье студенческой молодежи // Вестник Института истории, археологии и этнографии. 2012. №4 (32). С. 103 – 108.
30. Бедность и бедные в современной России / Под ред. М.К. Горшкова, Н.Е. Тихоновой. М.: Весь мир, 2014. – 304 с.
31. Гафиатулина Н.Х., Самыгин С.И., Рачина А.В. Социальное здоровье российской молодежи в контексте региональных миграционных процессов: угрозы национальной безопасности // Гуманитарий Юга России. 2016. № 3. С. 59 – 71.

AkhmedovaTevriz Magomedgadzhievna, graduate student, Dagestan state technical university (2, Tahoe-godi str., Derbent, Republic of Dagestan, 368608, Russian Federation). E-mail: akh-tevriz@rambler.ru

**TRANSFORMATION OF FAMILY CULTURE OF YOUTH IN DAGESTAN:
SPECIFICITY OF THEORETICAL DISCOURSE AND INDICATORS OF SOCIOLOGICAL MEASUREMENT**

Abstract

Dagestan is an ethnocultural region with a fairly stable system of traditions, the reproduction of which occurs through family channels of socialization, but at the same time it is included in the globalization processes, and therefore it seems important to consider the problem of forming a family culture of the Dagestan youth. The subject of sociological comprehension is the family culture of youth, without which it is difficult to imagine the development of a prosperous family in society, in the presence of negative phenomena such as the growth of divorces in young families, families, family violence, single-parent families, the decline of moral values.

Keywords: *Dagestan youth, Dagestan, family culture, family values, transformation of family culture, social well-being, parents, children, parental and children's relations.*

УДК 316.347(470.62)

DOI: 10.22394/2079-1690-2018-1-4-229-234

**ЦЕННОСТИ ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ И ЭТНИЧЕСКОЕ САМОЧУВСТВИЕ
ГОРСКИХ ЕВРЕЕВ***

**Загирова
Эльвира
Махачевна
Сеидова
Гюльчохра
Надировна**

аспирант, Региональный центр этнополитических исследований ДНЦ РАН (367000, Россия, Республика Дагестан, Махачкала, ул. Магомеда Гаджиева, 45). E-mail: elvira.2005@inbox.ru

**Мамараев
Руслан
Магомедсаламович**

кандидат философских наук, доцент кафедры юридических и гуманитарных дисциплин, Дагестанский государственный университет (филиал в г. Дербенте) (368600, Россия, Республика Дагестан, г. Дербент, ул. Гейдара Алиева, 11). E-mail: gseidova@yandex.ru
младший научный сотрудник, Институт истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН (367030, Россия, Республика Дагестан, г. Махачкала, ул. Магомеда Ярагского, 75).
E-mail: ruslan070@inbox.ru

Аннотация

В статье рассматриваются ценности и символы, их значимость в воспроизводстве этнической идентичности горских евреев, а также отражение их выраженности на состоянии их этнического самочувствия. Эмпирическое исследование показало, что значимыми ценностями этнической идентичности горских евреев выступают национальный (родной) язык, культурно-историческое наследие, национальные традиции и обычаи, религия, исторические памятники и национальные праздники. При этом их иерархия формируется в зависимости как от позиции и значимости ценностей в массовом сознании конкретной этнической общности, так и отношением окружающих этнических групп.

Ключевые слова: *горские евреи, культурно-историческое наследие, историческая память, религия, ценности, символы, этническая идентичность, этническое самочувствие, межнациональное взаимодействие.*

Постановка проблемы и эмпирическая часть исследования

Одним из важнейших компонентов этничности выступают ценности и символы, которые в общем плане являются социальными, внутри них выделяются этнокультурные. Исследование ценностно-символической системы проводят в русле ключевых теоретических концепций анализа этничности

* Статья выполнена в рамках проекта РФФИ 18-011-00367 «Этническая и религиозная идентичности горских евреев Северного Кавказа: состояние и тенденции».